

А. Н.

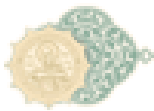
Каким должен быть настоящий богослов согласно с учением свт. Григория Богослова

*“Течет ли из одного отверстия
источника сладкая и горькая во-
да? Не может, братия мои, смо-
ковница приносить маслины или
виноградная лоза смоквы. Также
и один источник не может изли-
вать соленую и сладкую воду”*

(Иак. 3, 11–12)

“С начала IV века в жизни Церкви открывается новая эпоха. Римская империя благодаря трудам равноапостольного императора Константина получает крещение. Церковь выходит из своего вынужденного изгнания и приемлет под свои священные своды взыскующий античный мир. Но мир приносит сюда с собою свои тревоги, сомнения, и соблазны, — приносит и великую тоску, и великую гордыню. Эту тоску Церковь должна была насытить и эту гордыню смирить. В смуте и борениях перерождается и воцерковляется древний мир. Духовное возбуждение охватывает все общество, — церковное и околоцерковное, от верхов и до низов. И к религиозному исканию приражаются чужеродные страсти, — расчеты правителей и политиков, и личные вожделения, и племенные раздоры...”

Время великого и победного торжества было для Церкви и временем великих искушений и скорбей. И нередко исповедникам православия приходилось в эту эпоху совершать свой путь в узах и оковах, среди гонений и подозрений, и кончать его с мученическим венцом”¹. Но

среди всех этих испытаний развивается и крепнет верующее сознание. И апостольское предание веры раскрывается и опознается как благодатная премудрость, как высшее любомудрие (или философия) — как разум истины и истина разума. Через умозрительное постижение и усвоение опыта веры преобразуется и претворяется сама стихия мысли. Вырабатывается новый строй понятий². На церковном небосводе появляются яркие светильники, которые освещают путь веры, путь истинного Богопознания. Среди них — св. Афанасий Александрийский, св. Кирилл Иерусалимский, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Григорий Нисский, св. Иоанн Златоуст и др., оставившие миру свои замечательные труды, наполнившие духовную сокровищницу Священного Предания Православной Церкви.

Святые мужи, посвятившие свою жизнь Богу, Его созерцанию и прославлению, в своих богословских трудах уделяли значительное внимание и личности самого богослова, религиозно-нравственному состоянию его души, его жизненному духовному опыту, его умению мудро применять свои познания. Остановимся на учении об истинном богослове — свт. Григория Богослова, который примером своей жизни заслужил это высокое имя, дарованное ему Церковью.

Какие же требования предъявляет свт. Григорий тому, кто желает приступить к этому “великому делу”, какие советы и предостережения он дает ступившему на путь богословия?

В своем 28-м Слове, а о богословии — втором, свт. Григорий Богослов подытоживает то, что он сказал о богословии в 1-м Слове: “В предыдущем слове очистили мы понятие о богослове, объяснив, каков он должен быть, пред кем, когда и сколько любомудрствовать. А именно: ему должно быть, сколько можно, чистым, чтоб свет приемлем был светом, любомудрствовать пред людьми усердными, чтобы слово, падая на бесплодную землю, не оставалось бесплодным, — любомудрствовать, когда внутри нас тишина и не кружимся по внешним предметам, чтобы не прерывалось дыхание, как у всхлипывающих, притом любомудрствовать, сколько сами постигаем и можем быть постигаемы”³.

Таким образом, мы видим, что от богослова требуется душевная чи-

стота, которая приобретается путем борьбы со страстями и, утвердившись в человеке, легко и без искажений принимает чистоту Божественного Откровения; от него требуется рассудительность и трезвость ума, которые должны быть образом жизни, подобно непрестанному и равномерному дыханию. Остановимся на вышеприведенных качествах более подробно и для этого вернемся к 1-му Слову о богословии.

“Любомудрствовать о Боге можно не всякому, — говорит свт. Григорий. — Да! не всякому. Это приобретается не дешево и не пресмыкающимися по земле! Присовокуплю еще: можно любомудрствовать не всегда, не пред всяким и не всего касаясь, но должно знать: когда, перед кем и сколько”⁴. По словам свт. Григория Богослова, богословствовать “способны люди, испытавшие себя, которые провели жизнь в созерцании, а прежде всего очистили, по крайней мере, очищают, и душу, и тело. Для нечистого же, может быть, небезопасно и приступать к чистому, как для слабого зрения к солнечному лучу”. “Когда же можно? — Когда бываем свободны от внешней тины (не поработаемся плоти) и мятежа, когда владычественное в нас (ум) не сживается с негодными и блуждающими образами, как красота племен перемешанных с племенами худыми, или как благовоние мира, смешанного с грязью. Ибо действительно нужно “упраздниться”, чтобы “разуметь” Бога (Пс. 15, 11), и “егда приимем время”, судить о правоте богословия (Пс. 74, 3)”⁵.

Свт. Григорий предостерегает от того, чтобы “святыня не бросалась псам”, т.е. с рассуждением относиться к тому, перед кем можно любомудрствовать о Боге. Невозможно, чтобы богословие становилось предметом “забавы и споров” сластолюбцев, желающих насытить свою гордыню и “отличиться тонкостью возражений”⁶, а тем самым оскорбить истину.

Богословие должно быть не столько изысканием положительных знаний о естественной сущности, сколько опытным познанием того, что превосходит всякое разумение. Чтобы познать Бога, нужно к Нему приблизиться; нельзя быть богословом и не идти путем соединения с Богом. Путь Богопознания есть непременно и путь обожения. Тот, кто, следуя этим путем, в определенный момент вообразит, что он по-

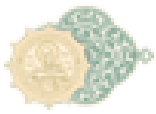
Каким должен быть настоящий богослов
согласно с учением свт. Григория Богослова

203

знал, что такое Бог, у того, по словам свт. Григория Богослова, ум раз-
вращенный⁷. От богослова требуется полное смирение с тем, что он ни-
когда не сможет полностью постичь умом тайну “о начальной, царст-
венной и блаженной Троице”⁸.

Рассудительность богослова заключается также и в том, в какой
мере можно доносить до слушателей учение о Боге. Понятно, что не
всякому слушателю одинаково может быть доступен смысл богослов-
ских учений и не всякий слушатель может одинаково понести их груз.
Поэтому свт. Григорий Богослов говорит, что необходимо любомудр-
ствовать “о том, что доступно для нас, и в такой мере, до какой про-
стирается состояние и способность разума в слушателе. Как превы-
шающие меру звуки или яства вредят, одни слуху, другие телу, или, ес-
ли угодно, как тяжести не по силам вредны поднимающим, и сильные
дожди — земле, так и слушатели утратят прежние силы, если их, ска-
жу так, обременить и подавить грузом трудных учений”⁹.

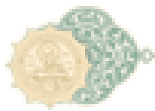
О трудности преподавать учение в “многочисленном собрании лю-
дей всякого возраста и разных способностей”¹⁰ свт. Григорий упомина-
ет в своем 3-м Слове и сравнивает слушателей с многострунным
органом, который “требует не одинаковых ударений”¹¹, и признается,
что трудно найти слово, которое бы всех назидало и озаряло светом ве-
дения. “Трудно же и потому, что, как опасность с трех сторон, то есть
от мысли, слова и слуха, то невозможно не преткнуться, если и не во
всем, то, по крайней мере, в чем-то одном. Ибо если ум не просвещен,
или слово слабо, или слух не очищен и потому не вмещает слова; от од-
ной из сих причин, так же, как и от всех, необходимо хромает истина”¹².
В таком случае от богослова требуется умение общаться с публикой,
что, пожалуй, сложнее, чем игра на органе. Для преодоления преград,
восстающих на пути богослова, необходима Божественная помощь, со-
действие Св. Духа, “при одном содействии Которого и можно только
о Боге и мыслить, и говорить, и слушать, ибо к чистому должно при-
касаться одно чистое и ему подобное”¹³. Вот еще одна обязательная до-
бродетель, необходимая богослову — молитва. Она помогает непре-
станно помнить о Боге, что “необходимее, нежели дышать; и если мож-
но так выразиться, кроме этого не должно и делать ничего иного”¹⁴.

В отличие от непрестанного памятования о Боге, свт. Григорий запрещает постоянно богословствовать о Нем: "...но даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом неблагочестивым, но безвременность, и не преподавание учения, но не соблюдение меры. Мед, несмотря на то, что он мед, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И "время всякой вещи", как рассуждаю с Соломоном (Еккл. 3, 1)"¹⁵. "Не так будем рассуждать"¹⁶, не победим далее цели, как горячие и неудержимые кони, сбросив с себя всадника — разум, и отринув добрую узду — благоволение, но станем любомудрствовать, не выступая из назначенных христианину пределов, не будем переселяться в Египет, не дадим увлекать себя к ассириянам, не воспоем песнь Господню на земле чужой (Пс. 136, 4), то есть вслух всякому, и стороннему, и нашему..."¹⁷.

Свт. Григорий Богослов призывает идти узким путем — путем добродетели, которая "хотя и одна, но делится на многие виды. Тесен же он по причине трудов, и потому, что для многих непроходим, а именно, для великого числа противников, для всех, которые идут путем порока"¹⁸.

В богословии имеются различные ступени, соответствующие неравным способностям человеческого разума, приступающего к тайнам Божиим. Поэтому свт. Григорий Богослов в своем втором Слове о богословии возвращается к образу Моисея на горе Синай: "Бог повелевает мне проникнуть в облако для беседы с Ним, — говорит он. — Я желал бы, чтобы появился какой-нибудь Аарон, который мог бы быть спутником в моем путешествии и находится близ меня, даже если бы он не осмелился войти в облако... Священники становились бы на горе пониже... Но народ, который совсем недостойн того, чтобы подняться, и не способен к столь возвышенному созерцанию, остается у подножия горы, не приближаясь к ней, потому что он нечист и не посвящен: он мог бы погибнуть. Если он постарается несколько очиститься, он сможет услышать издали звуки труб и голос, т.е. какое-нибудь простое объяснение тайн... Если имеется здесь какой-нибудь злобный и свирепый зверь, т.е. люди неспособные к умозрению и богословию, пусть они яростью не нападают на догматы, пусть они отойдут как

Каким должен быть настоящий богослов
согласно с учением свт. Григория Богослова

205

можно дальше от горы, а не то они будут побиты камнями”¹⁹. Подъем по пути к Богу нужно вести постепенно, и на этом пути настоящий богослов становится защитником истинного учения, защитником Христовой паствы от лжепророков, каким показал себя свт. Григорий Богослов.

В “Похвальном слове Афанасию Великому” свт. Григорий говорит: “Хочешь ли со временем стать богословом и достойным Божества, — соблюдай заповеди и не выступай из поведения, ибо дела, как ступени, ведут к созерцанию. Трудись телом для души”²⁰. Отсюда мы видим, что истинному богослову присущи смирение и покорность воле Божией, послушное исполнение Его заповедей и постоянный труд над собой.

Необходимо остановиться еще на одной добродетели, без которой человек не в силах хранить чистоту своего сердца, что необходимо богослову, без которой богослов будет лишен благодатной помощи Святого Духа. Эта добродетель — безмолвие. По словам Антония Великого, многоглаголивый человек не оставляет в себе места во обитель Св. Духа. Свт. Григорий в “Слове на безмолвие” говорит: “Буду хранить язык чистым и для чистых жертв, посредством которых великого Царя привожу в общение с земнородными. И не чуждым языком, не оскверненным умом буду возсылать Чистому животворящую жертву. Один источник не дает сладкой и горькой струи. Пурпуровой одежде всего неприличнее грязь”²¹. Дар слова необходимо использовать только для служения истине, но не осквернять его праздною, суетой и ложью. “Говори, когда имеешь нечто лучшее молчания, — но люби безмолвие, где молчание лучше слова”. Себя свт. Григорий исповедовал любителем и хвалителем мудрости. Но именно поэтому избирал безмолвие... Для свт. Григория богословствовать значило подвизаться. Отсюда его воздержание в слове и любовь к тишине²².

Безмолвие, молитва, созерцание Бога, совершенствование в добродетелях, рассудительность и воздержание — все это путь истинного богослова. Любовь к Богу, которая проявляется в соблюдении Его заповедей, и обожение Его животворящим светом делают богослова дерзновенным в его высоком деле и зажигают в сердцах людей пламень истинной веры, так как учение не исходит из лицемерного сердца.

“Говорить о Боге — великое дело, но гораздо больше — очищать себя для Бога, потому что в “лукавую душу не войдет премудрость” (Прем. 1, 4)²³, потому что без душевной чистоты, которая делает человеческую душу любвеобильной, всякий богослов — “медь звенящая или кимвал звучащий” (1 Кор. 13, 1).

Библиографические ссылки:

1. Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. М., Паломник, 1992. С. 7.
2. Там же. С. 24.
3. Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 3. Слово 28 (о богословии второе). М., 1843. С. 16.
4. Там же. Слово 28 (о богословии первое) С. 7.
5. Там же. С. 7.
6. Там же. С. 8.
7. Лосский В. Мистическое богословие. К., 1991. С. 119.
8. Св. Григорий Богослов. Творения. Т. 1. С. 37.
9. Там же. Т. 3. С. 8.
10. Там же. Т. 1. С. 40. Слово 3.
11. Там же.
12. Там же.
13. Там же. С. 39.
14. Там же. Т. 3. С. 8—9.
15. Там же. С. 9.
16. То есть богословствовать без меры.
17. Там же. С. 9—10.
18. Там же. С. 13.
19. Лосский В. Мистическое богословие. К., 1991. С. 120.
20. Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1843. Т. 11. С. 174.
21. Там же. Т. 4. С. 351—352. Слово на безмолвие.
22. Флоровский Г., прот. Восточные отцы IV века. Т. 5. 1992. С. 103.
23. Св. Григорий Богослов. Творения. М., 1843. Т. 3. С. 469. Слово 28.